

## Содержание

Введение.....	3
1.Будущее как философская проблема .....	5
2.Основные подходы к соотношению прошлого и будущего в философии.....	7
Заключение .....	14
Список использованной литературы.....	15

## Введение

**Актуальность темы исследования.** Прогностические функции философии – комплекс представлений о будущем. Термин «футурология» появился в 40-е гг. XX в. Наибольшее распространение футурологические концепции получили в 60-е гг. XX в. В связи с развитием НТР. Выдвигаются идеи постиндустриализации общества (Белл), технотронного (Бжезинский). В 70-е гг. XX в. развиваются пессимистические концепции в связи с угрозой экологического кризиса: страх перед будущим, шок от встречи с будущим (Тоффлер); пределы роста экономики (римский клуб). В основе: неверие в пути спасения цивилизаций. Показательная работа Форрестера «Мировая динамика». По его мнению, при сохранении нынешних темпов роста, в развивающемся обществе с середины XXIв. начнется чрезмерное загрязнение окружающей среды, истощение природных ресурсов. Ф.Фукуяма и И.Фетчер в книге «от государства благоденствия к новому качеству жизни» говорят о несомненных достоинствах современных западных цивилизация, отмечая, что не следует слишком эти процессы идеализировать. При существующем общественном строе невозможно удовлетворительно решить проблемы сохранения природы, индивидуальной свободы, гуманизма, социальной справедливости. Все новые процессы в обществе всегда будут провоцировать новые социальные конфликты.

В современной научной литературе является распространенным представление о тождественности футурологии и прогнозирования. Однако глобальное прогнозирование общественного развития столкнулось с необходимостью решения проблемы установления пределов развития, описания перехода на новую ступень, анализом процессов глобализации, имеющих глубокую социально-философскую основу. В современном обществе прогнозирование будущего глобального человечества неотъемлемо от обоснования мировоззренческих интерпретаций явлений и процессов современности, отражения оптимистических и пессимистических образов

будущего, идеалов и ценностных перспектив. Теоретико-методологические основы прогнозирования в настоящее время не обладают необходимым для этого научно-философским потенциалом, в силу своей узкодисциплинарной и практической направленности, слабых связей с философскими теориями, социологическими концепциями развития человека и общества. В то время как современная футурологическая мысль, направленная в равной степени на образы желаемого и ожидаемого будущего, в построении и обсуждении прогнозов и проектов будущего общества опирается на междисциплинарные исследования и обобщающие социально-философские работы. На самом деле осмысление обществом пределов развития индустриальной фазы, односторонней трактовки глобального культурного кризиса, раскрытие социально-исторического смысла событий настоящего, важных с точки зрения будущего, осуществляется в ряде футурологических прогнозов. Футурология при формулировании перспектив развития открыта как принятым научным моделям объяснения, так и альтернативным мировоззренческим теориям. В силу чего прогнозы и проекты будущего приобретают качественно иной характер, отражая ценностное состояние общественного сознания в целом. Представляя собой на современном этапе массу неоднородных прогностических изысканий, футурология сохраняет первоначальную ориентацию на кризис, попытки тотального преобразования общества на основе научно-технического прогресса, противоречивость и непоследовательность в формулировании выводов прогнозов. Междисциплинарный характер футурологии требует выяснения ее теоретических, прежде всего, социально-философских основ. Необходимость укрепления и развития философского потенциала футурологического прогнозирования требует выявления и концептуализации его сущностных и содержательных характеристик. Однако футурология как самостоятельный феномен научно-философского значения в современных исследованиях практически не анализируется.

Однако в то же время концептуально в рамках социальной философии не определены сущность и специфика футурологического знания на современном этапе развития, методологические критерии содержания прогнозов и проектов будущего, что свидетельствует о недостаточной изученности данного феномена. Открытыми остаются вопросы перспектив футурологического знания, мировоззренческих оснований современных прогнозов и проектов будущего.

**Объект исследования** - футурологические концепции будущего в современном философском контексте.

**Предмет исследования** - социально-философские аспекты будущего.

Цель исследования - раскрыть научно-философские основания и социальный потенциал представлений о будущем.

Исходя из указанной цели, сформулированы следующие **задачи**:

1. Характеристика философской футурологии как области научных знаний;
2. Анализ трёх основных моделей будущего в современной философии.

## **1. Будущее как философская проблема**

Если пытаться описать человеческий мир - то, как человек существует, и то, как он воспринимает себя самого и окружающую действительность - то одной из первых характеристик, к которой придется прибегнуть, будет временность. Так, М. Хайдеггер указывает на временность как на решающее свойство человеческой экзистенции, свойство, определяющее особенности человеческого существования и его положение в мире. Жизнь человека не просто пребывание и присутствие в некотором месте, жизнь - это всегда смена различных пребываний. Внутренний и внешний мир дан человеку не как неподвижное замкнутое целое, а как череда событий. При этом время для человека не просто длительность,

недифференцируемый поток, сплошная последовательность изменений. Мы способны не только различать единицы времени, отсчитывая минуты и часы, мы рассматриваем время как единство трех частей, состояний или модусов - прошлого, настоящего и будущего.

Несмотря на теоретические трудности, связанные с понятием настоящего, которое можно было бы представить как мгновение, не подлежащее дальнейшему расчленению, т.е. как безвременность - если бы этот момент можно было, во-первых, зафиксировать, а во-вторых, выделить, так сказать, в чистом виде без примеси прошлого и будущего - для любого человека оно есть нечто самоочевидное и абсолютно понятное. Такими же ясными представляются понятия прошлого и будущего, которые, опять-таки взятые самостоятельно, становятся проблематичными, так как обозначают нечто в первом случае уже, а во втором еще не существующее. Однако феноменологически, в контексте жизненного опыта, они раскрываются через вполне конкретное содержание: прошлое как история или личная биография, а будущее как цели, намерения, планы, договоренности, обязательства, складывающиеся в более или менее детально прописанные картины грядущего<sup>1</sup>.

У М. Хайдеггера будущее выносится на первый план, поскольку временность открывается человеку через осознание собственной конечности, смертности, которое предполагает обращение к будущему, поэтому «временность временит из собственного будущего». Но будущее - это не только неотвратимость смерти, но и царство возможностей. Если прошлое представляется как «фактичность», настоящее как «обреченность», то будущее можно качественно охарактеризовать как «проект». Хайдеггер отмечает, что о человеческом существовании можно говорить только до тех пор, пока оно не завершено, пока есть то, что «не состоялось». Аналогично Х. Ортега-и-Гассет противопоставляет завершенность, осуществленность

---

<sup>1</sup> Бранский В. П., Пожарский С. Д. Глобализация и синергетическая философия истории// ОНС, 2006, №1, с. 111

мира и проектность человека. Для него человек не совокупность уже состоявшегося, «человек - это прежде всего нечто, не имеющее телесной или духовной реальности; человек - это программа как таковая и, следовательно, то, чего еще нет, и то, что стремится быть». Другими словами, человек это не прошлое, не тело, полученное от родителей, не воспитание и знания, приобретенные в детстве и юности, и даже не опыт жизни, а прежде всего те самые грезы и мечты - будущее, которого еще нет. Поэтому здравомыслящий и практичный человек, в той мере в какой он является человеком, т.е. деятельным, волящим и свободным существом, обращен не к прошлому, а к будущему. Все, что можно отнести к прошлому, это совокупность предзаданных условий, то, чем можно воспользоваться при осуществлении своего будущего и то, что только благодаря будущему становится подлинным, обретает бытийный смысл. Поэтому не только мечтатель, но и человек деловой и практичный, по выражению Б. де Жувенеля, «гораздо в большей степени живет в мире futura, нежели в мире facta».

## **2. Основные подходы к соотношению прошлого и будущего в философии**

Временность в целом и будущее, в частности, - понятия, отражающие некую фундаментальную особенность человеческого существования, проявляющуюся в любой человеческой деятельности, в том числе и познавательной. Поэтому с понятиями прошлого, настоящего и будущего можно соотнести определенные познавательные практики. Так, человек знает настоящее через непосредственный опыт. Мы знаем, что сейчас в нашем городе идет дождь, потому что видим, слышим, ощущаем это событие. Вместе с тем знанием мы называем не только данные о сиюминутных ощущениях. Знание о каком-либо объекте предполагает осведомленность об его устройстве, поведении, взаимодействии с другими объектами и свойствах, которые при прочих равных условиях останутся неизменными и в

прошлом, и в будущем. Однако как можно знать прошлое и будущее, ведь ни первого, ни второго не существует, и мы не можем непосредственно наблюдать ни прошлые, ни будущие события.

Прошное, безусловно, можно представить в терминах непосредственного опыта. Прошлое можно знать как собственный некогда имевший место опыт или как опыт других людей, о котором нам так или иначе стало известно. Таким образом, знание о прошлом можно свести к памяти - личной или коллективной, зафиксированной тем или иным образом, объективной или искаженной. Но можно ли представить знание о будущем подобным образом? Можно, но только если допустить существование ясновидения, т.е. такого опыта, когда человек непосредственно переживает будущие события. Но в этом случае надо будет признать, что, во-первых, знания о будущем доступны только немногим людям, а, во-вторых, что такие знания весьма скудны, ибо непосредственный опыт нескольких человек весьма ограничен. Оба эти вывода несовместимы с действительным положением дел, потому что все люди имеют то или иное знание о будущем, которое невозможно свести к рассказам прорицателей. Если человек знает, что через неделю он уезжает в путешествие, из этого никак не следует, что он ходил к ясновидящей. И если он знает, что поездка продлится неделю, знает, какая будет стоять погода, знает, какие события будут иметь место, это не означает, что он сам ясновидящий. Значит, знание о будущем невозможно определить как непосредственный опыт или знание о таком опыте, поэтому его следует рассматривать как проявление некой отдельной познавательной способности. Эту способность и принято называть предвидением.

Поскольку человеку свойственно продлевать себя вперед, за пределы прошлого и настоящего, можно предполагать, что предвидение играет в его жизни огромную роль. Но как связаны в действительности между собой понятия «будущее» и «предвидение»? Понятие предвидения употребляется чаще всего в смысле знания о будущем, и ряд авторов полагает, что это единственно корректное определение: относимость к будущему рас-

сма­три­ва­ет­ся как не­об­хо­ди­мый атри­бут пред­ви­де­ния. Та­кая по­зи­ция свя­за­на с по­пыт­кой из­бе­жать сло­ж­но­стей, воз­ни­ка­ю­щих при бо­лее ши­ро­ком тол­ко­ва­нии это­го по­ня­тия и си­но­нимич­но­го ему по­ня­тия про­гно­з. Так, А. Хиль­ке­вич от­ме­ча­ет, что оп­ре­де­ле­ние про­гно­за как выс­ка­зы­ва­ния не толь­ко о бу­ду­щем, но так­же о не­из­вест­ном по­ло­же­нии ве­щей ве­дет к не­из­беж­но­му сме­ше­нию его с по­ня­ти­ем ги­по­те­зы<sup>2</sup>.

Пред­ста­ви­те­ли про­ти­во­по­лож­ной точ­ки зре­ния не рас­сма­три­ва­ют вре­мен­ную ха­рак­те­ри­сти­ку в ка­че­стве ос­нов­но­го при­зна­ка пред­ви­де­ния. По их мне­нию, глав­ным яв­ля­ет­ся то, что про­гно­зы и пред­ска­за­ния го­во­рят о не­из­вест­ных яв­ле­ни­ях, ко­то­рые мо­гут бы­ть ло­ка­ли­зо­ва­ны как в бу­ду­щем, так и в на­сто­я­щем или про­шлом. Вме­сте с тем вво­дят­ся до­пол­ни­тель­ные тре­бо­ва­ния, по­зво­ля­ю­щие не сме­ши­вать по­ня­тия ги­по­те­зы и пред­ви­де­ния. По­яс­ним это на при­ме­ре раз­ра­бо­тан­ной Д.И. Мен­де­ле­е­вым Пе­ри­одиче­ской та­б­ли­цы хи­миче­ских эле­мен­тов. Мен­де­ле­ев пред­ло­жил прин­цип, ко­то­рый не толь­ко си­сте­ма­ти­зи­ро­вал и ор­га­ни­зо­вы­вал зна­ния об уже из­вест­ных хи­миче­ских эле­мен­тах и их свой­ствах, но и по­зво­лял за­к­лю­чить о су­ще­ст­во­ва­нии еще не­из­вест­ных эле­мен­тов с оп­ре­де­лен­ны­ми ха­рак­те­ри­сти­ка­ми. Как мож­но на­звать та­кое за­к­лю­че­ние? С точ­ки зре­ния Хиль­ке­ви­ча, мы имеем здесь де­ло с ги­по­те­зой, т.е. пред­по­ло­же­нием о су­ще­ст­во­ва­нии не­на­б­лю­да­е­мо­го об­ъ­ек­та. Тогда о пред­ви­де­нии мы мож­ем го­во­рить лишь в смы­сле им­п­ли­цит­но со­дер­жа­ще­го­ся в этой ги­по­те­зе пред­ска­за­ния бу­ду­ще­го от­кры­тия. Вот как ин­тер­пре­ти­ру­ет эту си­ту­а­цию А.М. Ген­дин: «Мен­де­ле­ев, стро­го го­во­ря, не пред­ска­зал су­ще­ст­во­ва­ние оп­ре­де­лен­ных свой­ств ря­да не­из­вест­ных в то вре­мя хи­миче­ских эле­мен­тов (не­льзя пред­ска­зы­вать то, что уже су­ще­ст­ву­ет), а выд­ви­нул ги­по­те­зу об их су­ще­ст­во­ва­нии, на ос­но­ва­нии ко­то­рой он пред­ска­зал воз­мож­ность от­кры­тия в бу­ду­щем эле­мен­тов, об­ла­да­ю­щих дан­ны­ми свой­ства­ми». Нет­руд­но за­ме­тить, что та­кая трак­тов­ка не­сколь­ко ис­кус­ст­вен­на. Мож­но со­г­ла­сить­ся с

---

<sup>2</sup> Гендерсон Г. Парадигмы прогресса// Впереди 21 век: перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной классической прогностики. 1952 -1999. Редактор, составитель и автор предисловия академик РАО И.В. Бестужев-Лада. М.: Academia, 2005. – С.96

В. Г. Виноградовым, что выдвигать дополнительную гипотезу о существовании элементов Менделееву не требовалось, так как такое заключение являлось следствием его периодического закона.

Фокусируясь именно на этом обстоятельстве, авторы сборника «Философия и прогностика» вводят различие между гипотезой и прогнозом, давая при этом четкую дефиницию последнему. Гипотезу и прогноз, полагают они, можно рассматривать в семантическом, логическом и прагматическом плане. Семантически, «как высказывания о неизвестном еще положении вещей», эти понятия не различаются. Но их можно отличать по месту в логическом выводе: гипотеза всегда входит в состав посылок, а прогноз является заключением. Хилькевич замечает, что такое разведение действительно только в процессе построения прогноза, так как в других случаях гипотеза может быть не только посылкой, но и заключением (ведь к гипотезе мы тоже приходим посредством размышлений), так же как прогноз - не заключением, а посылкой (например, при составлении другого прогноза). Однако авторами «Философии и прогностики» этот момент учитывается: «Одно и то же высказывание может выступать и как гипотеза и как прогноз в зависимости от того, какое место оно занимает в логической структуре вывода и какую цель преследует его выведение». Так вводится второе различие, предполагающее, что гипотеза направлена на объяснение, а прогноз на выявление фактов. Например, заключение французского астронома XIX в. Леверье о существовании планеты, влияющей на движение Урана, «поскольку оно служило объяснению наблюдаемых орбитальных отклонений Урана», являлось гипотезой, «а поскольку же оно было выведено из известных законов механики и имеющихся данных наблюдения, то есть выступало как заключение логической цепи вывода, оно являлось прогнозом».

В том же ракурсе рассматривает предвидение С. Тулмин. Разбирая проблему определения целей научной деятельности, он противопоставляет предвидение и понимание. Если первое достигается посредством

прогностической деятельности, то второе - посредством объяснения. Сутью науки в ее чистом виде Тулмин полагает именно объяснение, в то время как «другие [виды] деятельности - диагностическую, классифицирующую, производственную, предсказательную - правильно называть «научными» в силу их связи с объяснительными идеями и идеалами, которые являются ядром естественной науки». Тулмин доказывает, что прогностические методики и объяснительные теории могут существовать независимо друг от друга, как это было в Ионии и Вавилоне более чем 25 веков назад. Вавилоняне блестяще владели математическим знанием астрономических явлений и могли предсказывать их наступление, но разработанных теорий не создали, тогда как ионийцы занимались именно построением теорий - выдвигали гипотезы, а не выводили предсказания. Тулмин комментирует эту ситуацию так: «Вавилоняне обрели огромную предсказательную силу, но им заметно не доставало понимания. Обнаруживать, что события определенного типа предсказуемы - даже развивать действенный метод их прогнозирования - есть, очевидно [нечто] совершенно отличное от обладания адекватной теорией, посредством которой они могут быть поняты». Из этого примера видно, что Тулмин понимает предвидение прежде всего в смысле вычисления, «предсказательного расчета», когда просчитываются изменения совокупности независимых переменных с течением времени. По существу те же принципы действуют в современном прогнозировании, в методах, основанных на экстраполяции временных рядов (метод наименьших квадратов, экспоненциального сглаживания, вероятностного моделирования и другие). При этом он не считает нужным - по крайней мере в свете своего исследования - расширять повседневные, обыденные значения понятий предсказание, предвидение и прогнозирование как содержащих знание о будущем. Поэтому предвидение, по мнению Тулмина, в отличие от понимания заключается не в построении теорий, а в разработке прогностических методик и представляет собой по существу

прогнозирование, которое, в свою очередь, является ремеслом или технологией, скорее применением науки, чем сутью науки как таковой.

Итак, из вышеприведенных рассуждений можно сделать следующие выводы. Во-первых, все авторы используют понятие предвидения как синонимичное понятиям прогноз и предсказание. Во-вторых, именно по этой причине предвидение всегда рассматривается как вывод из некоторого количества посылок - научных законов или эмпирических обобщений и совокупности исходных условий. В-третьих, строго разводятся объяснительная и прогностическая стратегии и в соответствии с этим предвидение определяется как реализация последней<sup>3</sup>.

Предсказание, по Попперу, - это дедуцированное из универсальных высказываний (законов) и начальных условий сингулярное утверждение. Если закон говорит об общих связях и закономерностях, присущих определенному классу явлений, то предсказание - о единичном явлении, имеющем пространственно-временную локализацию и отражающем общую закономерность в конкретной форме. Например, имеется универсальное высказывание «Всякая нить, нагруженная выше своего предела прочности, разрывается».

Что касается соотношения понятий «предвидение» и «будущее», то здесь кажутся уместными следующие пояснения. Мы отметили, что взятое объективно понятие будущее поднимает целый ряд вопросов онтологического плана, в то время как отнесенное к человеческому опыту наполняется конкретным содержанием и становится очевидным и понятным. Будущее корректно определить как совокупность объектов будущего опыта, это не абстрактное будущее мира, но всегда будущее для нас. Когда говорят о предвидении как о знании будущего, неявно предполагают, что прошлое и настоящее нам известны. Однако в действительности в пространство будущего - будущего для нас, будущего опыта - попадают объекты, уже

---

<sup>3</sup> Коротаяев А.В., Комарова Н.Л., Халтурина Д.А. Законы истории: Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: КомКнига, 2007. – С.60

существующие или существовавшие. Поэтому предвидение - это знание о возможных объектах будущего опыта, а также о таких объектах, которые не могут быть включены в наш опыт. Так, планета Нептун существовала до предсказания Леверье, но ее существование не было известно. Итак, предвидение представляет собой переход от известного к неизвестному, каким бы образом он не осуществлялся - посредством строго логического следования, количественного расчета, экстраполяции тенденции, мыслительного эксперимента или даже интуиции и каким бы не был его результат - экзистенциальное сингулярное высказывание, прогноз, гипотеза, смелое предположение.

Таким образом, возвращаясь к Попперу, мы должны отметить, что понятие предсказание охватывает только частный, более того, достаточно специфический случай предвидения. Однако понятие предсказание - не единственная форма антиципации, о которой он пишет. В одной из последних работ Поппер использует также понятие «опережающего знания», заявляя, что знание «часто имеет характер ожидания» или «опережающего знания». Это утверждение подводит нас к вопросу о роли предвидения в познании.

Введение метаисторического контекста в футурологических проектах актуализирует противоречие между пределами развития общества, отождествляемыми с конкретными социально-историческими перспективами, и качественной бесконечностью потенциала развития человечества. Разрешение данного противоречия является источником развития самого футурологического знания. Таким образом, в футурологических исследованиях метаисторический контекст выступает символическим выражением смысловых горизонтов развития человечества.

Футурологические прогнозы способствуют реализации прогностических возможностей социологических теорий, исторических концепций, в целом общественных наук, обобщают и интегрируют знания о путях и перспективах мирового развития, оказывая конструктивное или

деструктивное воздействие на общество. Конструктивное воздействие выражается в создании пробуждающих прогнозов, ориентированных на активизацию исторического сознания, деструктивное — в манипулятивных, которые рассчитаны на одностороннее пассивное усвоение населением необходимых правящим субъектам схем поведения<sup>4</sup>.

Будущее футурологических исследований связано не только с ориентацией на построение социально-деятельностных и культурно-трансцендентальных перспектив развития, но и с формированием особого способа мышления, который позволяет субъекту прогнозирования признать реальность будущего в настоящем и оптимизировать деятельность по его осуществлению в соответствии с социальными, историческими и метаисторическими перспективами.

### **Заключение**

Социальная перспектива как структура взаимодействия субъекта и объекта предвидения представляет собой единство феноменологической и трансцендентальной составляющих. Их взаимодействие представлено в доминировании субъекта и его организации будущего, утрате им преобразовательного действия на реальность в ситуациях кризиса и стагнации, и балансе субъекта и объекта при сохранении устойчивости социальных процессов.

В футурологических прогнозах тенденции развития могут иметь характер: 1) проявление системного кризиса; 2) фазовый переход от одного этапа развития на другой; 3) период нарастания нестабильности- этапа глобализации.

Многомерность социального мира диктует правила совмещения различных интерпретаций процессов современности по принципу дополнительности конкурирующих моделей и теорий, критерием которых

---

<sup>4</sup> Абрамян Е.А. Судьба цивилизации. Что нас ожидает в 21 веке? М.: Терика, 2007. – С.125

являются эффективность и функциональность. В футурологии существуют разнообразные способы анализа и истолкования процессов мирового развития, обозначение их под различными именами и ярлыками определенных тенденций. Диагноз современности в соответствии с выбранной моделью направлен на определение того, в какой фазе развития находится общество.

### **Список использованной литературы**

1. Абрамян Е.А. Судьба цивилизации. Что нас ожидает в 21 веке? М.: Терика, 2007. -555с.
2. Ахременко А.С. Политическое прогнозирование. — М.: Гардарики, 2006. -333с.
3. Бранский В. П., Пожарский С. Д. Глобализация и синергетическая философия истории// ОНС, 2006, №1, с. 109-120.
4. Гайденок П.П. Время, длительность, вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс - Традиция, 2006. -464с.
5. Гендерсон Г. Парадигмы прогресса// Впереди 21 век: перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной классической прогностики. 1952 -1999. Редактор, составитель и автор предисловия академик РАО И.В. Бестужев-Лада. М.: Academia, 2005. -480с.
6. Казначеев В.П., Трофимов В.П. Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля: проблемы космопланетарной антропоэкологии: монография. / В. П. Казначеев, А. В. Трофимов. - Новосибирск: Наука, 2008. -312с.
7. Коротаев А.В., Комарова Н.Л., Халтурина Д.А. Законы истории: Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: КомКнига, 2007. -256с,

8. Яницкий О.Н. Будущее России: прогностический потенциал социологии.// Россия реформирующаяся. Ежегодник. Отв. ред. М.К.Горшков.- Вып.6. М.: Институт социологии РАН, 2007 -С.24-29.